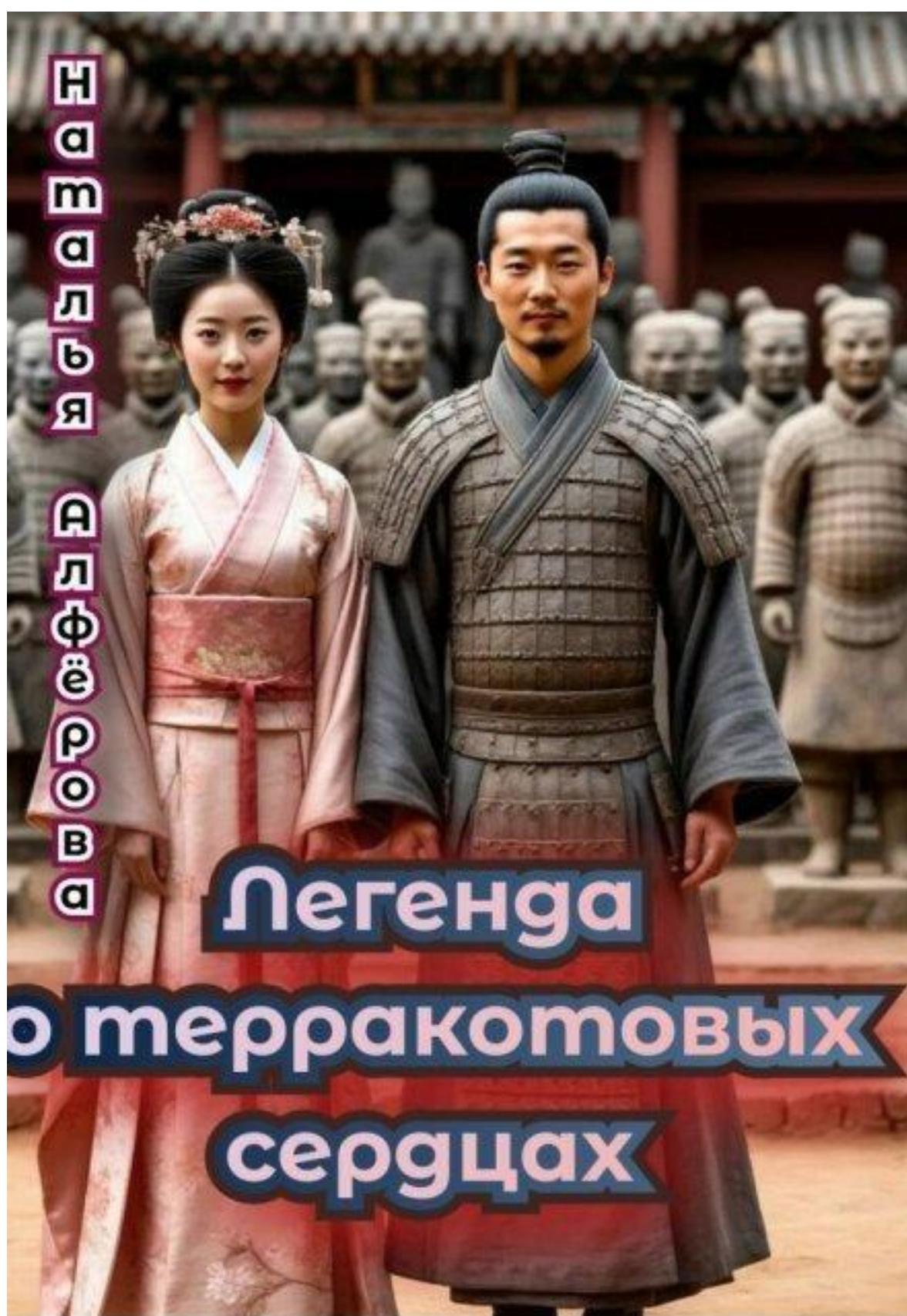

Н
А
В
Е
С
Н
А

А
Л
Ф
Е
Р
О
В
А

Легенда о терракотовых сердцах

Наталья Алфёрова

Легенда о терракотовых сердцах

«Литнет»

2024

Алфёрова Н.

Легенда о терракотовых сердцах / Н. Алфёрова — «Литнет»,
2024

В Поднебесной траур. Умер император — Великий Сын Неба Цинь Шихуанди. Гробница императора огромна подобно его деяниям: мавзолей с реками из ртути и охраняющая его бессмертная армия. Терракотовые пехотинцы, лучники, всадники, их командиры, боевые колесницы и обоз следуют в загробный мир вместе с повелителем. Но не только они. Быть заживо погребёнными предстоит сорока восьми наложницам императора и десяткам тысяч мастеров и рабов, создавшим гробницу. Остаться в живых удаётся всего двоим. Но как жить дальше, если сердца обожжены, подобно глиняным воинам императора.

© Алфёрова Н., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава первая. Наместник Чжоу и его семья	5
Глава вторая. Мастер Чэн и его ученики	9
Глава третья. Великая честь	12
Глава четвёртая. Казнь у горы Лишань	15
Глава пятая. Путь во дворец Эпан	18
Глава шестая. Сорок восьмая наложница	21
Глава седьмая. Последняя просьба мастера Чэна	25
Глава восьмая. Лунная башня	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Глава первая. Наместник Чжоу и его семья

Год зелёного дракона обещал жителям Поднебесной процветание, удачу в делах и счастье в семьях. Так предсказывали мудрецы. Так говорили старики. Но уже заканчивалась весна, а предсказанное не спешило сбываться.

— Как же так, Цинлун? — спросила Мэйли у глиняной скульптурки зелёного дракона, которую покачивала в сложенных лодочкой ладонях. — Со мной понятно, почему не видать семейного счастья. Разве что чиновник самого низкого ранга согласится взять младшей наложницей. Но отец не отдаст меня, ведь тогда ему придётся нанимать управляющего. Но к нашей провинции ты мог бы быть хоть немного добрее. Что тебе стоило уговорить водяного дракона Жёлтой реки не затапливать селенья. Или хотя бы не выплёскивать реку из берегов так рано. Да, люди спаслись от воды, но скольких покосила лихорадка. Не слушай меня, Цинлун, просто сегодня ровно три месяца со дня смерти дедушки Тао. Вот я от тоски и болтаю всякие глупости.

Мэйли поставила скульптуру на стол рядом с чернильницей и чашкой для кистей. Фигурка дракона да книга по лекарскому делу — тяжеленный трактат, написанный на дощечках из сосны — вот всё, что осталось в память о дедушке. Из коридора слышались шаги, Мэйли узнала грузную поступь отца. Слуги в их доме двигались бесшумно. Она быстро подвинула к себе бамбуковые планки, выхватила из чашки кисть, макнула в чернильницу и принялась обводить последний иероглиф. Мэйли прекрасно знала причину, по которой отец не стал дожидаться её в большом кабинете, как обычно.

— Чжоу Мэйли! — начал отец с порога. — Почему я должен так долго ждать доклад по уезду Вей?

— Простите, отец, — произнесла Мэйли, вставая и склоняя голову. — Я ждала, пока высохнут чернила. Последняя партия не отличается хорошим качеством. Позвольте, следующую закупить у другого купца.

— Пусть дольше, но ведь сохнут, — возразил отец и снизошёл до объяснения: — Во-первых, мы закупили чернила значительно дешевле и во-вторых, этот купец родственник самого прокурора И. Понятно?

— Да, отец, — ответила Мэйли, вновь отвесив покорный поклон. У неё мелькнула надежда, что разговор на этом и закончится. Наверное, с покорностью она слегка перестаралась, потому что отцовский взгляд стал подозрительным.

— Ответь мне, старшая дочь, почему ты позволяешь себе быть столь расточительна с моими деньгами? И это в непростое время, когда я потратился на приобретение земли под рисовые поля, — спросил отец.

Он присел на плетёный стул, на котором обычно сидели управляющие уездами и старосты общин, приходившие к Мэйли в малый кабинет с отчётами.

— Вы о помощи, выделенной общинам, чьи дома и участки затопило? — уточнила Мэйли. Ответ для неё был очевиден, просто требовалось немного времени, чтобы собраться с духом.

— Жду объяснений, дочь.

Отец сложил руки на животе, обтянутом шёлковой тканью верхней рубахи.

— Деньги, что я выделила старостам общин от вашего имени, отец, не столь и велики. Вы сами сказали о новых землях, для обработки которых потребуется нанять работников. Но ведь многие чиновники и купцы тоже выкупили наделы у крестьян. И им тоже понадобятся рабочие руки. Так к кому охотнее пойдут работники? К какому-нибудь жадному купцу или к великодушному, щедрому наместнику провинции Чжоу Вану? Чьё имя они будут прославлять? Ваше, отец, — произнесла Мэйли заранее заготовленную речь. Ей пришлось поломать голову в поисках причины, которая позволит помочь пострадавшим от разлива Хуанхэ людям.

Отец склонил голову на одну сторону, на другую, подумал и изрёк:

— Прославлять, это хорошо. Но впредь спрашивай совета.

В кабинет Мэйли вошёл слуга, поклонился и сказал:

— Почтенный наместник, к вам гость, целитель Цан.

— Проводи целителя в большой кабинет и приготовь гостевые покои, — распорядился отец и вышел, даже не взглянув на дочь.

Мэйли с трудом удержалась от возмущения. Она пыталась обратиться к отцу не один раз и по разным вопросам, но он отмахивался от неё, как от назойливой мухи. Отец то играл в го с сыном и наследником, то слушал музыкантов, служивших при доме Чжоу, то любовался танцами наложниц и младшей дочери Лилинг — любимицы отца.

Наместник Чжоу Ван приходился отцом трём уже взрослым детям, но любил только младшую. Наложниц он обожал всех, в его случае это труда не составляло, ведь в отличие от остальных чиновников высокого ранга он довольствовался двумя женщинами.

Когда над ним пытались подшучивать по этому поводу равные по чину или выше, Чжоу Ван делал скорбное лицо и вешал:

— Младенцем я сильно болел. Находился у самых ворот в Загробный мир. Матушка молилась за меня в храме несколько дней. Небожители снизошли до её просьб. Матушке явилась Мать драконов и обещала оставить меня на земле, но с двумя условиями: когда вырасту, я должен стать верным подданным Сына Неба и не иметь больше двух наложниц. Как вы можете видеть, я выполняю оба условия.

Мэйли слышала это объяснение несколько раз, когда в их доме собирались наместники из соседних провинций и когда проездом отца посетил главный советник императора. Во втором случае, подслушала, не смогла сдержать любопытство, захотелось воочию увидеть столь важную персону.

Она предполагала, что отец не приводит в дом новых наложниц, чтобы избежать лишних забот. Во всём, что не касалось службы и заведения нужных связей, отец часто предавался праздности и лени.

Что касается рассказа отца, Мэйли знала, что это всего лишь легенда, позволяющая ему дополнительный раз показать верность императору. Ведь получалось, если он соблюдает второе условие, значит, ему можно верить и в первом.

Бабушка отца, уже покинувшая земной мир, когда-то выговаривала Мэйли:

— Что-то вы с братом чахлые. Но что поделать, от слабых женщин разве могут быть сильные дети? Вот мой сынок за всё детство ни разу не болел.

Хоть Мэйли и была ещё мала, сообразила, что бабушка невзлюбила наложниц сына, и эта нелюбовь перешла и на них, детей. Именно бабушка убедила сына не начинать пеленать стопы Мэйли, прекращая их рост.

— Но, мать моего господина, дочерям чиновников положено иметь красивые ножки, — попробовала возразить мать Мэйли. — Если не начинать пеленание прямо сейчас, ноги Мэйли вырастут как у обычной крестьянки.

После этих слов мать невольно бросила взгляд на стопы бабушки, чем окончательно ту взбесила. В её время этот обычай ещё не стал повсеместным, и бабушка попросту завидовала наложницам сына, обладательницам крошечных стоп с высоким подъёмом. Такие ножки называли «золотой лотос», ими восхищались мужчины, о них слагали стихи поэты.

— Твоя дочь страшнее демонёнка! — выкрикнула бабушка. — Ей не помогут никакие ухищрения. Я немедленно иду к сыну. Нечего тратить время, силы, деньги на никчёмную девчонку.

Тогда отец послушался бабушку, тем самым перечеркнув будущее дочери. К тому времени, как Мэйли выросла, чиновники и офицеры стали выбирать наложниц соответственно статусу. Возможно, на всю Поднебесную и нашлось бы несколько храбрецов, не побоявшихся

взять в наложницы девушку с ногой крестьянки. Но поиски такого сравнялись бы с поисками одной отличающейся от остальных рисинки в чашке с рисом.

Когда подошло время пеленания стоп для Лилинг, бабушка уже тяжело болела и потеряла интерес к делам земным, готовясь предстать на суд Неба. Умерла бабушка тихо, во сне. Мэйлин старалась вызвать в себе скорбь, но не смогла. Единственным, кто искренне оплакивал вздорную злую старуху, был её сын. Остальные домочадцы и слуги вздохнули с облегчением. Из Лилинг же начали делать красотку с ножками «золотой лотос». Процесс оказался долгим и очень болезненным. Мэйли часто плакала вместе с сестрёнкой, глядя, как их матери накладывают лечебные мази на стёртую кожу на детских ножках и вновь туго бинтуют, выворачивая и прижимая к подошве пальцы ног, ломая их снова и снова.

Матери не жалели Лилинг, они сами прошли через такое, и это помогло стать драгоценными наложницами важного и щедрого господина. Брат не присутствовал при пеленаниях, потому отнёсся равнодушно. А вот отец из жалости стал постоянно носить младшую дочь на руках, и сам не заметил, как жалость переросла в любовь. Чжоу Ван принялся безгранично баловать Лилинг, позволяя ей то, за что старших детей ждало бы наказание.

Мэйли не ревновала, не жалела, что у отца не хватило любви на них с братом. Жалела о другом. Лилинг, взрослея, становилась похожа на бабушку, чем всё больше завоёвывала отцовское сердце. Но, к великому сожалению, сестра унаследовала и бабушкин характер. Лилинг выросла эгоистичной, вздорной, не способной любить никого, кроме себя. К отцу ластилась, прекрасно понимая, кто исполнитель её прихотей, а вот над Мэйли часто зло подшучивала.

Забыв о заботе и участии, о былой дружбе, Лилинг дразнила сестру «Большеножкой». Знала, куда ударить побольней.

Мэйли соответствовала всем канонам красоты: маленький рост, хрупкая фигурка, высокий лоб, густые шелковистые волосы, большие чёрные глаза, с длинными ресницами, светлая, почти белая, кожа. Ко всему этому прилагались способности к счёту, чтению и письму. Мэйли соответствовала всем, кроме размера ноги.

Она успокаивала себя тем, что может без затруднений много ходить, что её стопы не болят на смену погоды, как у их с Лилинг мам, но всё равно расстраивалась.

Воспоминания Мэйли прервала служанка.

— Госпожа старшая дочь Чжоу, в Зелёных покоях вас ждут драгоценные наложницы господина и его младшая дочь, — старательно произнесла девушка. Она пришла работать в дом Чжоу недавно, и очень боялась что-то сказать или сделать не так.

— Не знаешь, зачем, Лиху? — спросила Мэйли.

Служанка просияла, ведь госпожа запомнила её имя, и ответила:

— Купец принёс ткани и драгоценности, вас ждут, чтобы вы договорились о цене и об оплате.

— Ничего нового, — пробормотала Мэйли, затем отпустила служанку. — Иди, Лиху, передай господам, я скоро буду.

Она достала связку бамбуковых планок. Мэйли взяла за правило записывать цены на продукты и вещи, действующие на текущий месяц, чтобы не переплатить. Сунув планки под мышку, она вышла из малого кабинета, чувствуя себя управляющим, секретарём, писарем, но не беззаботной дочерью богатого отца. Хотя, не только чувствовала, Мэйли действительно управляла всеми делами семьи.

Проходя мимо отцовского кабинета, она невольно замедлила шаг. Оттуда донёсся голос гостя, целителя Цана:

— ... Он не вернётся из поездки в Шанцю, куда собирается ехать через неделю. На его лице печать смерти. Осталось от силы два месяца. Ты знаешь, в этом я никогда не ошибаюсь. Думаю, дело в пилюлях шарлатана Инзю...

Целитель принялся ругать, как поняла Мэйли, своего конкурента. Она прошла дальше, невольно улыбнувшись. Целитель Цан даже в гостях у друга не переставал думать о своих пациентах. Мэйли вспомнила, как добр был к ней целитель, когда в детстве она болела. Даже один раз принёс мандарины. «Подарю ему лекарский трактат. Для меня это всего лишь память о дедушке, а целителю он будет полезен», — решила Мэйли.

Свернув в основной коридор, она поднялась по лестнице на второй этаж. Там, в Зелёной комнате ей предстоял спор с торговцем из-за цен. За годы управления делами семьи Мэйли научилась торговаться с купцами не хуже самих купцов.

Глава вторая. Мастер Чэн и его ученики

Солнце только показалось из-за горизонта, а около будущей гробницы Великого Сына Неба — императора уже кипела работа. Кузнецы собирали бронзовые колесницы из множества деталей, отлитых в других местах и привезённых накануне. Золотых дел мастера и их подручные крепили украшения из золота, серебра, драгоценных камней на колесницах и упряжи бронзовых же лошадей.

Живописцы докрашивали возниц. Эти фигуры были сделаны гончарами из терракоты, как и всё войско, выстроенное в боевом порядке в глубоких траншеях.

Работы по подготовке достойного сопровождения Сына Неба в Загробный мир, начатые по его указу почти три десятка лет назад, подходили к завершению. Часть рабов обтёсывала и распиливала стволы деревьев, чтобы сделать настил над гробницей, перед тем, как насыпать сверху земляной холм, остальные разбирали ставшими ненужными печи для обжига. У подножья горы Лишань плотники сколачивали доски, строя что-то вроде помоста. Эта гора образовалась за годы строительства благодаря земле из вырытых траншей и ям и свозимой сюда со всех провинций глине.

Мастер Чэн, главный среди гончаров, внимательно осматривал терракотовых лошадей — работу своих нынешних учеников. Это был своего рода экзамен. Молодые гончары стояли рядом со своими творениями, затаив дыхание, от оценки учителя зависело, получат они право на самостоятельную работу этой осенью или останутся на обучении ещё на год. Мастер прошёл мимо всего ряда, остановившись около последней лошади. Сопровождавший его внук спросил:

— Дедушка, по-моему, хорошо сделано. Что скажешь?

— Скажу, Чэн Юн, что осенью мне придётся набирать новых учеников, — ответил старый мастер. — Но не спешите радоваться, до осени у меня есть время вас, как следует, погонять.

Ученики, несмотря на последние слова, радостно заулыбались. Мастер Чэн часто грозился, но все окружающие знали, что за внешней суровостью прячется доброе сердце.

— Мне идти к надсмотрщику за рабами? — спросил Чэн Юн.

— Иди. Пора лошадям отправляться к их всадникам. Возьми Фенга и проследите, чтобы рабы донесли всё в целости, а то генерала чуть не разбили, — проворчал мастер.

Чэн Юн кивнул, он прекрасно помнил глухой стук, когда рабы уронили фигуру одного из генералов. Тогда он почувствовал, как его сердце падает тоже куда-то вниз. Эта фигура была одним из лучших творений Чэн Юна и первой, на которой он поставил личную печать. Он так гордился, что стал самым молодым мастером, получившим право ставить печать на свои изделия. Спасло генерала чудо и то, что прошедший накануне ночью дождь слегка смягчил землю. Чэн Юн помог рабам поднять фигуру, осмотрел с головы до ног и облегчённо вздохнул, не обнаружив ни трещинки, ни царапины. Он поднял голову и встретился с умоляющими взглядами рабов. Ни он, ни его дед не стали доносить надсмотрщику, рабов наказывали очень сурово. Чэн Юн не мог подавить в себе жалость к этим людям, до недавнего времени носившим прозвание «подлые». Лишившиеся земли крестьяне, проданные хозяевами слуги, родственники преступников, ведь с недавнего времени вину нарушившего закон стали разделять все близкие до третьего колена — разве не заслуживали они сочувствия? Но вслух такие мысли Чэн Юн не высказывал. Этому его научил дед. Мастер Чэн несколько лет назад сводил внука посмотреть на казнь одного из мудрецов. Сначала «мечи закона» — воины, состоящие на службе у прокурора, — сожгли книги осуждённого. Бамбуковые, деревянные, несколько шелковых книг занялись и вспыхнули, обращая в пепел труд создавших их мастеров и учёных. По щекам осуждённого текли слёзы, скатываясь в редкую седую бороду. Чэн Юн думал, что мудрецу обреют половину головы и отправят на строительство Великой стены, как делали с

большинством преступников. Он ошибся. Мудреца зарыли в землю живьём. Когда потрясённый Чэн Юн уходил от места казни, дед сказал:

— Он думал по иному. И говорил, что думает. Запомни, сказанное слово назад не проглотишь.

И Чэн Юн запомнил этот урок.

— Юн, опять задумался? — вернул его в реальность голос Фенга и чувствительный толчок в бок.

За размышлениями Чэн Юн не заметил, как они с другом дошли до навеса, под которым сидел надсмотрщик, принимавший запросы на рабов от мастеров. Чэн Юн не знал, что среди рабов попасть на работы к гончарам считалось за великую удачу. Нет, трудиться приходилось не меньше. Просто нормальное отношение мастера Чэна, его внука, а вслед за ними остальных мастеров гончарного дела, позволяло хоть ненадолго снова почувствовать себя людьми, а не бессловесной скотиной.

Рабы перенесли лошадей в траншею к всадникам и опустили в яму при помощи досок. На этот раз всё прошло гладко.

— Не верится, что нам больше не придётся создавать терракотовых воинов, — произнёс Фенг. — Даже немного жаль.

Чэн Юн похлопал друга по плечу. Ему тоже было знакомо чувство, возникающее, когда завершаешь большое важное дело. Сначала внутри появляется пустота, словно лишился частички себя. И только позже она заполняется удовлетворением, радостью, облегчением и готовностью начинать что-то новое.

— Смотри, оружейники приехали, — сказал Чэн Юн, указывая рукой в сторону лагеря гончаров, состоявшего из пары шалашей и нескольких навесов. Там стояли две телеги с грузом, накрытым плотной тканью.

Войско для гробницы было глиняным, а вот вооружали его самым настоящим оружием. Оружейники брали с собой гончаров, чтобы, вешая мечи, луки, колчаны со стрелами и другое, терракотовых воинов не повредить.

— Кажется, остались безоружными только копьеносцы и генералы со старшими офицерами. Ты кого возмёшь? Хотя, что я спрашиваю, как ты не полюбишься на личную печать! — воскликнул Фенг, припустив к лагерю так, что Чэн Юн еле успевал за ним.

— Не завидуй, скоро и ты получишь право ставить свою, — сказал он и чуть не налетел на резко остановившегося друга.

Фенг неожиданно стал серьёзным и произнёс:

— Мне далеко до тебя, Юн. Знаешь, что о тебе говорят? Что при твоём рождении сама Нюйва одарила тебя поцелуем и передала частичку божественного дара.

— Ты слишком превозносишь мои заслуги, — ответил Чэн Юн, но почувствовал себя польщённым.

Богиня Нюйва почиталась гончарами особо, ведь именно она стала прародительницей всех людей, создав их из глины.

— Нет, друг, не слишком. Когда смотришь на вылепленных тобой цапель, кажется, что они вот-вот взмахнут крыльями, а глиняный панда ползет на дерево, — возразил Фенг и, посмотрев в сторону горы Лишань сказал: — Юн, посмотри, тебе не кажется, что плотники сооружают помост для казни?

Чэн Юн почувствовал, как отливает от щёк кровь. За время его работы у гробницы показательную казнь «мечи закона» проводили несколько раз, но тогда помост строили на глазах привязанного к столбу осуждённого. На этот раз около помоста никого, кроме плотников, не наблюдалась. У Чэн Юна зародилась надежда, что друг ошибается.

— Чэн Юн, Фенг, поторопитесь! — раздался оклик мастера Чэна.

Фенг угадал, оружейники привезли копья и сабли в украшенных драгоценными камнями ножах. Друзья разделились: Фенг повёл оружейников к копьеносцам, стоящим сразу за лучниками, а Чэн Юн сел на вторую подводку, до нужного места было не близко. Траншея с генералами и старшими офицерами располагалась позади основного войска. Оттуда был виден мавзолей, в котором предстояло в определённый Небом срок упокоиться Великому императору.

У этой траншеи было сделано три хода: один вёл наверх, второй к войскам, а третий шёл туннелем к мавзолею.

— Совсем как в жизни, — произнёс старший оружейник. — В любой момент можно получить приказ от императора, или отправиться к нему с донесением.

Пока остальные оружейники при помощи Чэн Юна вооружали командующих терракотовым войском, старший переносил к туннелю ящики с какими-то странными металлическими кольями, короткими копьями, стрелами без лука.

— Зачем это непонятное оружие, мастер, — не смог удержаться любопытство Чэн Юн.

— Для ловушек, — ответил оружейник. — Следом за нами приедут дворцовые стражи и установят их на всех входах. Гробницы всегда нужно обезопасить от разграблений.

Чэн Юн попытался представить безумца, решившегося бы грабить гробницу самого Сына Неба, но у него не получилось. Перед тем, как уйти, Чэн Юн ещё раз полюбовался на печать, расположенную на обуви генерала.

— Ты такой молодой, а уже признанный мастер, — удивился старший оружейник, догадавшийся, зачем парнишка-гончар коснулся печати пальцами.

У оружейников существовал похожий знак. Как и гончарам, им нужно было достичь больших высот, чтобы ставить личное клеймо на клинке. Обратно Чэн Юн ехал вместе с оружейниками на заметно полегчавшей телеге. Когда проезжали мимо помоста у подножия горы, оружейник, правящий парой лошадей, слегка отпустил вожжи, замедляя ход. Его, видимо тоже заинтересовало возводимое строение.

«Всё-таки казнь», — с печалью подумал Чэн Юн. Пока он находился в дальней траншее, плотники соорудили ступеньки и второй помост, невысокий, узкий, длиной в человеческий рост. Рядом с ним стояли несколько «мечей закона». Одного из них, младшего командира, Чэн Юн знал. Остальных видел, ведь именно эти подразделения обеспечивали порядок на строительстве, а вот на командира как-то показал дед.

— Смотри, Чэн Юн, — сказал он тогда, — как многого может добиться простой человек из крестьян. Это Лю Лэй из соседнего поселения. А его брат Лю Бань сумел сдать экзамен на чиновника низкого ранга.

Чэн Юну тогда эти имена показались знакомыми, и он вспомнил, где их слышал.

— Дедушка, а это не те братья, которых ты мальчишками спас, когда их лодку затянуло в водоворот? — спросил он.

— Само Небо послало меня тогда на берег, искать нужную глину. Мне выпала честь спасти выдающихся людей. Правда, сразу после спасения, я надрал им уши за то, что без спроса взяли лодку своего отца, — ответил мастер Чэн и коротко рассмеялся.

— Этот Лю Лэй несколько раз проходил мимо и даже не посмотрел в твою сторону, а ведь ты спас ему жизнь, — сказал Чэн Юн.

— Давно дело было, не узнал, — ответил мастер Чэн и добавил: — Да даже если бы и узнал: ему теперь по чину не положено общаться с такими, как мы. К тому же мечам закона запрещено разговаривать с теми, кого они охраняют.

Хотя дед и оправдал спасённого когда-то командира, Чэн Юн считал, что тот мог из благодарности хотя бы кивнуть.

Фенг и его оружейники появились в лагере значительно позже. Копьеносцев было куда больше, чем генералов.

Глава третья. Великая честь

Целитель Цан в гостях у семьи Чжоу не задержался. Мэйли едва успела послать к нему служанку, с просьбой заглянуть в малый кабинет. Хорошо, что возвращаясь из Зелёной комнаты, она спросила слугу, почему в доме суета. Слуга ответил, что собирают провизию и подарки к отъезду почётного гостя. Наместник Чжоу Ван всегда был щедр к нужным для семьи людям.

Целитель вошёл к Мэйли стремительно, словно принеся с собой ветер. Завесы на окне — несколько рядов коротких бамбуковых палочек, скрепленных колечками, колыхнулись, стукнувшись друг о друга. Ровесник отца, целитель Цан сохранил стройность фигуры и живость движений.

— Доброго дня, Мэй. Я заглядывал, выразить тебе своё почтение, но тебя не было, — произнёс он.

Мэйли радостно улыбнулась, коротким именем её называли лишь целитель и дедушка Тао.

— Рада видеть вас, целитель Цан. Я занималась закупкой тканей и украшений, потому отсутствовала на обычном месте, — ответила Мэйли. — Присядьте, пожалуйста.

Целитель опустил на тот же плетённый стул, что и немногим раньше отец и спросил:

— Всё так же управляешь делами семьи? Учитель Тао вырастил достойную ученицу. Это ведь ты уговорила отца похоронить старика на вашем семейном кладбище? Достойный поступок.

Целитель Цан посмотрел одобряюще, Мэйли кивнула и почувствовала, как зарделись от смущения щёки. Она не привыкла к похвалам. Тот, кого она называла и считала дедушкой, на самом деле являлся ей очень дальним родственником. Отец говорил о таком родстве: пятнадцатой наложницы десятый сын. Чжоу Ван согласился на его захоронение на семейном кладбище исключительно, чтобы избавиться от настойчивых просьб старшей дочери.

— Целитель Цан, прошу принять от меня в дар лекарский трактат, доставшийся мне в наследство от дедушки Тао, — произнесла Мэйли и достала из сундука тяжёлый свёрток.

Опустив свёрток на стол перед гостем, она развернула ткань. Целитель посмотрел на книгу из сосновых дощечек, отшлифованных руками мастеров и временем, скреплённых между собой наподобие веера. Он замер, словно не веря своим глазам. Затем осторожно, слегка подрагивающими от волнения руками раздвинул дощечки, на которых имелись не только иероглифы, но и рисунки, схематически изображавшие человека и части его тела. Целитель Цан поднялся со стула и благоговейно произнёс:

— Ты даже не представляешь, какое сокровище собираешься мне отдать, Мэй! Это же трактат самого Бянь Цюэ, великого из великих врачей-лечителей. Подобный я видел лишь во время своего обучения. Как я могу принять столь бесценный дар?

— Для меня это всего лишь память о дедушке Тао, он был бы рад, зная, что одна из его книг послужит для благого дела — исцеления немощных. Не отказывайтесь, прошу, — сказала Мэйли.

— Позволь мне отблагодарить тебя монетами. Если бы у меня был золотой слиток, отдал бы за это сокровище, не задумываясь, — произнёс целитель Цан, бережно заворачивая книгу. От радости он даже кое о чём подзабыл, Мэйли решила напомнить:

— Я не смогу принять монеты. Наложницы и дочери глав семей не могут иметь личные деньги. Да, я часто расплачиваюсь с купцами и наёмными работниками, но это деньги отца.

— Забыл, — ответил целитель, покачав головой. — Но я не останусь в долгу. Меня отправили за Великой стеной в королевство Хотан. Я привезу оттуда для тебя украшения из нефрита. Позволь покинуть тебя.

Целитель Цан поклонился Мэйли и вышел, нежно прижимая к груди книгу великого врачевателя.

— Попутного ветра, — пожелала ему Мэйли и вновь обратилась к фигурке дракона: — У меня сегодня не только печальный день, Цинлун, но и удачный. Сделать счастливым хорошего человека, оказывается, так приятно. А ещё сегодня Лилинг почти не капризничала, а купец почти не зависил цены. Знаешь, я тоже выбрала себе ткань для праздничного одеяния. Светло зелёный шёлк с рисунком в виде веточек цветущей сливы. Он так подойдёт к моему имени. Наверное, отец немного меня любит, не зря дал имя, означающее «прекрасная слива». Я, наверное, покажусь тебе нескромной, Цинлун, но иногда так хочется, чтобы отец оценил мои старания, чтобы посмотрел с восхищением, как смотрит на сестру. Ох, Цинлун, я люблю Лилинг, но иногда завидую ей. Когда же она начинает дразнить меня или кричать на служанок, руки так и тянутся оттащить сестричку за волосы. Зависть и злость — недостойные чувства, но от них так трудно избавиться полностью.

Мэйли вздохнула, придвинула к себе бамбуковую планку и взяла в руки кисть, сегодняшние траты нужно записать, а так же посчитать, сколько денег пойдёт на закупки продуктов на следующую неделю. Она рисовала последний иероглиф, когда с улицы раздался шум и лай дворовых собак. Мэйли опустила кисть в чашу и кинулась к окну. Во двор въезжала колесница, запряжённая четвёркой лошадей. На стенках колесницы был выбит золотой дракон — знак императора. На такой же колеснице в прошлый раз приезжал главный советник Великого Сына Неба.

Мэйли, не отводя глаз, наблюдала, как соскакивает возница и слуги, как открывают дверцу и помогают сойти на землю тучному мужчине в богатых одеждах, наверняка важному придворному. Следом вышла женщина, на вид ровесница матери Мэйли. Женщина, несмотря на красивый наряд из шёлка, являлась служанкой, о чём говорили её ноги, обычные, не «золотой лотос». Вряд ли во всей Поднебесной есть ещё одна невезучая дочь знатного рода с ногой крестьянки.

Служанка пошла к входу в дом позади важного придворного. Отец вышел во двор, встречать гостей, явно неожиданных. Шёлковый халат с вышивкой золотистых фазанов и шапочка с коралловым шариком, положенные наместнику, были надеты слегка криво, явно, наспех. Отец трижды поклонился важному гостю и пригласил войти в дом.

Мэйли выждала немного, сняла плетёные сандалии и на цыпочках прокралась в соседнюю с отцовским кабинетом комнату. Там хранились в ящиках бамбуковые планки с отчётами за прошлые годы, комнатку лишь недавно отделили от кабинета перегородкой из плотной ткани. Так что, всё, что происходило в кабинете отца, было прекрасно слышно.

Мэйли пропустила лишь традиционные приветствия, цветистые и восславляющие Небо и его Сына. Она начала подслушивать с момента, когда важный гость приступил к делу.

— Наместник Чжоу Ван, — провозгласил гость слегка высоковатым для мужчины голосом, — тебе оказана великая честь. Великий Сын Неба берёт в императорские драгоценные наложницы одну из твоих дочерей. Ты сам выберешь наиболее достойную. На решение даю тебе один, нет, полтора часа. Пока же мы с госпожой Фин, старшей прислужницей наложниц, отдохнём перед обратной дорогой.

Отец стал заверять, что гостю предоставят лучшие покои и изысканные блюда, но Мэйли покинула комнатку, бегом кинувшись к себе. Забежав в малый кабинет, она остановилась, переводя дыхание, и только спустя некоторое время поняла, что так и стоит, прижимая к груди сандалии. Обуваясь, Мэйли прошептала:

— А вот с маленькой ножкой я бы за это время только в один конец доковыляла, или, как говорит Лилинг, доплыла. — Она села за стол и качнула любимую фигурку. — Представляешь, Цинлун, наша Лилинг станет наложницей самого главного мужчины Поднебесной. Императорская драгоценная наложница. Невероятно! Но я не скажу об этом сестре. Пусть радость сооб-

щить чудесную новость достанется отцу. Думаю, он соберёт нас в Красной комнате. Последний раз он созывал семью, чтобы сообщить о получении должности наместника. А сейчас ещё более важный повод.

Мэйли не ошиблась. Не прошло и часа, как за ней прибежала Лиху, новенькая служанка.

— Госпожа старшая дочь семьи Чжоу, Наместник Чжоу Ван приказывает вам идти в Красную комнату, — выпалила она на одном дыхании, затем, не удержавшись, выдала последние новости: — Приехал главный евнух самого Сына Неба! А с ним старшая служанка при наложницах. Строгая! Как на меня взглянула, сразу захотелось превратиться в такую маленькую незаметную мышку. Хорошо, что ей прислуживаю не я, а опытные служанки.

Мэйли подумала: «Слуги иногда знают больше хозяев». Ей стало интересно, и она спросила:

— Не знаешь, зачем они посетили нас, Лиху?

— Знаю, — сказала служанка, понижая голос до шёпота, — господин должен отправить одну дочь в наложницы к Великому императору. Мы со слугами считаем, что лучше бы отправили вас, госпожа.

— Не выдумывай, Лиху, ты знаешь, что это не возможно. Давай лучше порадуемся за Лилинг, — сказала Мэйли и приложила ладошку к губам, призывая к молчанию.

Они подошли к лестнице. Красная комната, как и Зеленая, располагалась на втором этаже. Лиху отвернулась, чтобы госпожа Чжоу Мэйли не заметила её гримасу. Радоваться за вздорную и жестокую Лилинг служанке не хотелось.

Отец сидел на стуле, похожем на трон, брат стоял перед ним. Мэйли подошла к брату, который кинул на неё вопросительный взгляд. Он не общался со слугами, поэтому часто узнавал новости от Мэйли. Но сейчас, под взглядом отца, она ничего не могла рассказать. В ожидании драгоценных наложниц и Лилинг оставалось лишь осматривать комнату. На стенах висели алые полотнища с изображением драконов: белого, жёлтого, чёрного, золотого. Имелся и зелёный Цинлун, любимый дракон Мэйли.

Из коридора повеяло запахом роз, Мэйли догадалась, Лилинг и их матери попробовали надушиться купленной сегодня розовой водой.

Отец встал с кресла, ожидая, когда подойдут его наложницы и любимая младшая дочь.

Мэйли неожиданно заметила, что за этот час отец стал выглядеть старше на несколько лет, словно ему принесли не радостную, а трагическую весть. «Показалось, мои глаза устали от обилия красного цвета, вот и мерещится непонятно что», — подумала Мэйли.

— Мои драгоценные наложницы, мои дети, — произнёс отец. — Семье Чжоу оказана великая честь. Великий Сын Неба берёт императорской драгоценной наложницей одну из моих дочерей. Мне предоставили право самому выбрать самую достойную. И я сделал выбор. — Отец замолчал, переводя дыхание. На лице Лилинг расцвела счастливая улыбка, остальные повернулись к ней. Тем неожиданней прозвучали слова отца: — Я отдаю императору Чжоу Мэйли.

Глава четвёртая. Казнь у горы Лишань

Гонг, раздавшийся над стройкой, многих заставил вздрогнуть, но никого не удивил. Не только гончары заметили помост для казни у подножия горы Лишань.

Мастер Чэн с внуком и учениками оказались в первых рядах быстро собравшейся к помосту толпы. Чэн Юн ни за что не согласился бы присутствовать при подобном зрелище, но выбора не было. По зову гонга должны являться все.

Из подъехавшей колесницы со знаком золотого дракона вышел чиновник самого высокого ранга. На его шапочке красовался шарик из жемчуга, а на полах зелёного с желтой отделкой шёлкового халата — вышитые журавли. Но Чэн Юн даже и без этих отличительных знаков узнал чиновника. Прокурор И распоряжался казнью зарытого живём в землю мудреца, той, на которую Чэн Юна водил дедушка.

Появление прокурора, а не судьи означало одно: состоится казнь совершившего преступление против Неба, то есть против империи или императора. Прокурор поднялся на помост, за ним следовали писарь и палач с обнажённым мечом, лезвие которого сверкало под лучами высоко стоящего солнца.

Палач прошёл и встал за малый помост, прокурор повернулся к толпе, писарь протянул ему шёлковый свиток с приказом. Развернув намотанный на бамбуковую палочку шёлк, прокурор подал знак стоящим у лестницы «мечам закона». Несколько воинов подошли к предмету, накрытому плотной тканью. Никто до этого не обратил на предмет внимания, ведь по размерам, то, что находилось внутри, было гораздо больше человека. Но это и не был человек. Откинув ткань, «мечи закона» подняли терракотового генерала и понесли к палачу. Чэн Юн не мог оторвать глаз от своей печати на башмаке генерала. Он, как и все вокруг не понимал, что происходит. Но толпа молчала, опасаясь палок надсмотрщиков или кнутов охраны.

Живые воины опустили глиняного на второй помост так, что спина и ноги находились на досках, а голова над пустотой.

Прокурор И поднял руку, призывая к вниманию. И без того стоявшая над толпой тишина стала мёртвой. Стало слышно, как где-то вдали стрекочет сорока.

— Подданные Поднебесной! — провозгласил прокурор. — Свершилось тяжкое предательство по отношению к Великому Сыну Неба. Один из генералов и императорская драгоценная наложница, чьи имена мы навеки подвергаем забвению, пытались бежать из дворца Эпан. Преступники казнены. По шесть родственников каждого из них приговорены к каторжным работам на Великой стене, чтобы трудом во благо империи искупили вину своих недостойных близких. Согласно приказу Великого Сына Неба Императора Цинь Шихуанди, совершивший преступление генерал не достоин того, чтобы его лицо носил терракотовый воин. Сын Неба не потерпит предателей и в Загробном мире.

Прокурор коротко взмахнул рукой, и палач резко рубанул мечом по глиняному генералу. Голова упала с гулким стуком, откатившись к краю помоста. Палач рубанул по ней два раза, превращая в осколки.

Чэн Юн почувствовал, что его сотрясает крупная дрожь. Он обхватил себя руками, унимая её. Молодой мастер помнил живого генерала, с которого создавал лицо терракотовому. У гончаров имелось несколько форм, они сначала делали заготовку, а когда приходили настоящие воины, лепили уже глядя на живые лица, добиваясь сходства.

— Где мастер, создавший этого воина? — неожиданно спросил прокурор И.

Дрожь у Чэн Юна, как рукой сняло, зато спина покрылась холодным потом. Неужели и его ждёт наказание? Он шагнул вперёд, отделяясь от остальных. Вместе с ним шагнули мастер Чэн и Фенг, готовые разделить судьбу внука и друга.

— Мастер Чэн Юн, — произнёс Юн, склонив голову.

— До завтрашнего утра ты должен сделать новую голову генералу. Можешь вылепить любое лицо, хотя бы, своё.

— Всё будет сделано, господин прокурор И, — ответил Чэн Юн и снова поклонился, но перед этим успел заметить довольную усмешку прокурора. Тому польстило, что даже простой гончар знает его в лицо.

Мастеров и рабов разогнали по местам. «Мечи закона», проводив прокурора, не стали сами нести мастерам обезглавленного генерала. Они послали рабов. Мастер Чэн отправил Фенга узнать, не все ли печи для обжига разобраны, а учеников — к горе за нужной глиной.

Чэн Юн никак не мог обрести внутреннее равновесие, он провёл рукой по острому сколу на шее генерала, даже не заметив, что порезал руку. Капли крови капали на скол, создавая иллюзию настоящей раны.

— Юн, ты хочешь оживить своё творение, подобно художнику Вану из сказки? — спросил Фенг, успевший вернуться.

Чэн Юн равнодушно посмотрел на порез и промыл водой. При работе с глиной для терракоты порезы и ссадины не гноились, даже быстрее заживали.

— Что там с печами? — спросил Фенга мастер Чэн.

— Одну не разобрали, я успел вовремя. Юн, смотри, вот эта форма больше остальных похожа на твой лицо. Будешь у нас генерал гончаров, — сказал Фенг, почувствовавший настроение друга. Так он хотел его утешить.

— Твой язык опережает твои мысли, — одёрнул Фенга мастер Чэн. — Не доведёт тебя это до добра.

Ученики принесли глину, воду и Чэн Юн принялся за работу. Его не оставляли мысли о генерале с мужественным, волевым и честным лицом. Ведь тот знал наверняка, как наказывают за предательство. Почему решился на отчаянно-безрассудный поступок, подвергая смертельному риску себя, возлюбленную, родных? Словно сама Смерть шла за ним, торопя и наступая на пятки.

Когда Чэн Юн сделал основную работу и приступил к лицу воина, Фенг притащил небольшое бронзовое зеркало, которое выпросил у оружейников в подарок для невесты.

— Держи, тебе же нужно видеть своё лицо, — сказал он.

К вечеру голова воина с лицом Юна была слеплена, обожжена и приделана к остальной фигуре. Раскрасить голову вызвался Мастер Чэн, отправив внука отдыхать.

К утру краска высохла, и мастер Чэн послал учеников за «мечами закона». Перед тем, как вернуть генерала к остальным командующим армией, нужно было получить на это разрешение.

С рядовыми воинами пришёл младший командир Лю Лэй. Он по-прежнему не узнавал своего спасителя или делал вид, что не узнаёт. Лю Лэй бросил острый взгляд на терракотового воина, на Чэн Юна и, молча, кивнул. После чего развернулся и пошёл прочь.

— О, разрешили. Побегу за рабами, — сказал Фенг. Не зря он получил прозвище, означавшее слово «ветер», заменившее со временем настоящее имя.

Чэн Юн и Фенг отправились вместе с рабами. В траншее с фигурами старших офицеров они обнаружили дворцовых стражей. Тем приказали подождать, не ставить ловушки, пока не закончат работу гончары. Дворцовые стражи выглядели очень недовольными, перепугав рабов злыми лицами. Но, даже испугавшись, рабы генерала на этот раз не уронили.

Возвратившись в лагерь, Чэн Юн и Фенг застали там суматоху: ученики бегали, доставая уже собранные инструменты и посуду для глины.

— Нам придётся здесь задержаться, — сообщил мастер Чэн. — Привезли приказ, сделать для обоза фигурки животных и птиц. Кузнецы тоже остаются, будут готовить для наших зверей клетки и поводки, а рабы выроют отдельную траншею. Работа займёт две-три недели.

— Ну вот! — горестно воскликнул Фенг. — Я обещал невесте вернуться на днях. И ведь сам накликать, вслух пожалев, что больше не придётся лепить терракотовых воинов. Воины закончились, получите обоз. Чем столько фигурок сделать, проще живых наловить!

— Что говоришь, Фенг? — укорил мастер Чэн. — Мы же не жестокосердные демоны, чтобы безвинных птиц и зверей живьём закапывать.

— Получается, надо брать рабов и снова печи для обжига строить? — спросил Фенг.

— Достаточно той одной, что оставили, — сказал мастер Чэн. — Сегодня делаем цапель.

Как выяснилось чуть позже, цапли у учеников получались куда хуже, чем лошади. Фенг то и дело носил криволапых и кривошеих птиц Чэн Юну на исправление. Мастер Чан, немного понаблюдав, решил:

— Делаем общую форму, а дальше каждый долепит, чтобы птицы не получились одинаковыми, а то мы и за месяц не управимся.

С формой, приготовленной Чэн Юном, дело пошло быстрее. Ученики, особенно Фенг, повеселели. Сидя за ужином у костра, один из учеников спросил:

— А что за сказка про художника Вана, которую Фенг упоминал?

Оказалось, эту сказку никто не слышал.

— Слушайте, расскажу, — ответил Фенг. — На заре времён в одном селенье, в устье Голубой реки жил художник Ван. Рисовал он с таким же мастерством, как наш Юн лепит. На его холстах цветы, птицы, звери выглядели живыми. Художник Ван радовал свою семью и всех соседей, расписывая их домики, раздаривая картины всем вокруг. А правил тогда жадный и злой царь. Он приказал схватить Вана. Заперев художника в одной из комнат дворца, царь приказал ему рисовать картины на продажу. Жестокий царь знал, что лишит художника свободы, то же самое, что лишит его воздуха. Но он хотел успеть нажить на художнике богатство, пока тот не зачах. Художник был в отчаянии, он сломал любимую кисть, поранив руку. Капля крови капнула на нарисованную на холсте птичку, и та ожила, защебетала и вылетела в крошечное окно. Художник придумал, как бежать. Он нарисовал на стене дверь, смазал своей кровью и вышел на свободу. Царь и его слуги погнались за ним. Дорогу преградила река, и Ван нарисовал палочкой на песке лодку, вновь уколол руку, капнув кровью на рисунок, и лодка превратилась в настоящую. А когда царь и его слуги поплыли в погоню на большой лодке, Ван кровью на воде нарисовал огромную волну. Царь и его слуги утонули, а художник Ван вернулся домой, вновь радуя людей своими картинами. Вот такая сказка.

— Эх, научиться бы оживлять, например, наших птиц, — протянул мечтательно один из учеников.

— Мы с Юном, когда были маленькими, пытались оживить глиняные фигурки, неделю ходили с порезанными руками, пока не поняли, что ничего не получится, — признался Фенг.

Чэн Юн улыбнулся и добавил:

— Небо сжалилось над нами, не став оживлять те уродливые фигурки, что у нас тогда получались.

Слушатели рассмеялись. Мастер Чэн отправил всех спать, а сам остался у костра. В последнее время старого мастера одолевали бессонница и дурные предчувствия.

Глава пятая. Путь во дворец Эпан

Колесница, запряжённая четвёркой лошадей, подпрыгивая на кочках, уносила Мэйли всё дальше от родных мест. Мысли Мэйли прыгали вместе с ней, не давая сосредоточиться. События последнего часа возникали перед мысленным взором, сменяя друг друга.

Как только отец назвал имя старшей дочери, младшая кинулась к нему, обнимая и уговаривая отправить к императору её, а не «эту проклятую Большеножку». Да, она опустилась до проклятий, ругая Мэйли. Но отец впервые в жизни не исполнил каприз любимицы. Тогда Лилинг упала на пол и стала кататься с криком и рыданиями, ведя себя подобно капризному ребёнку. Отец и обе матери перепугались, бросились успокаивать Лилинг, отправив слуг за местным целителем. Мэйли велели готовиться к отъезду, захватив с собой лишь самое необходимое.

Брат поспешил сбежать от визга и воплей подальше, выйдя вместе с Мэйли.

— Я, конечно, рад за тебя, но предпочёл бы, чтобы из дома убралась Лилинг, — сказал он, после чего свернул к своим покоям.

Это было единственное, хоть и своеобразное, поздравление от семьи. Зато все встречающиеся на пути слуги улыбались Мэйли и кланялись ей. По воплям, доносившимся из Красной комнаты, они поняли, какой выбор сделал наместник Чжоу Ван.

Собралась Мэйли быстро: немного одежды, немного украшений, пара лёгких туфель из парчи и отрез зелёного шёлка с рисунком в виде цветущей сливы. Она догадывалась, что драгоценных императорских наложниц одевают с ног до головы, но надеялась, что уговорит дворцовых швей сшить что-нибудь из облюбованного отреза. Фигурку зелёного дракона Мэйли поместила в шёлковый кошель, прикреплённый к поясу, перед этим покачав в ладонях и сказав:

— Готовься к путешествию к самому Сыну Неба, Цинлун. Когда я мечтала, чтобы отец оценил меня по достоинству, даже предположить не могла, что мечта исполнится в тот же день и вот так. Это великая честь для всего рода Чжоу. Но, скажу по секрету, Цинлун, мне жаль оставлять свою прежнюю жизнь.

Мэйли обвела глазами малый кабинет, присела за стол, качнула кисти, раздвинула приготовленные для записей бамбуковые планки. После чего решительно встала, надела поверх обычной одежды дорожный халат и повязала пояс.

Провожать до колесницы избранницу императора вышел только отец. Что-то в его поведении показалось тогда странным, но только сейчас Мэйли поняла, что именно. После того, как отец объявил о своём выборе в пользу старшей дочери, он ни разу не посмотрел на неё прямо, отводя глаза в сторону или опуская вниз. Подумать о причине Мэйли не успела, колесницу перестало трясти и подкидывать.

Она выглянула в затянутое слюдой окно, отодвинув шёлковую занавеску.

Даже сквозь полупрозрачную слюду Мэйли увидела широкую ровную дорогу, проложенную по личному приказу императора. Ей не так давно довелось сопровождать отца в поездке. Отец радовался, что на следующий год дорогу протянут и в их провинцию.

— Не придётся трястись на проклятых кочках, — сказал он тогда. Мэйли запомнились эти слова, её тогда тоже растрясло, несмотря на мягкие сиденья и набитые пухом подушки на них. Наместник Чжоу Ван на собственный комфорт средств не жалел, его повозки считались лучшими. Но до колесницы, в которой ехала Мэйли сейчас, им было далеко.

Императорская колесница помчалась прямо по центру. По правой полосе дороги повозки ехали в ту же сторону, по левой — навстречу. Позади следовал отряд конной охраны.

— Госпожа Фин, расскажите мне о порядках во дворце, мне не хочется выглядеть нелепо, — попросила Мэйли старшую прислужницу. Она, конечно, подозревала, что именно так и будет выглядеть среди прекрасных обладательниц крошечных ножек, но хотя бы не предста-

нет перед ними глупышкой из провинции. Манерам и поведению на церемониях их с Лилинг обучали, но наверняка во дворце есть и свои правила.

Прислужница даже немного вздрогнула, настолько глубоко задумалась. Мэйли подумала, что госпожа Фин тоже из этих мест, иначе чем объяснить тоскливый взгляд, брошенный ею в окно, до того, как она начала отвечать.

Главный евнух, дремавший на сиденье напротив, приоткрыл один глаз, кивнул прислужнице и вновь погрузился в сон.

До остановки в дорожном доме Мэйли слушала рассказ о жизни во дворце. В голосе старшей прислужницы не было восторженного отношения ни к роскошным нарядам и прекрасным покоем, ни к изысканным лакомствам, ни к дорогим украшениям тех, кого официально называли императорскими драгоценными наложницами, а среди близкого окружения императора — жемчужинами, добавляя после этого слова имя. Жемчужина Эпан, жемчужина Лея, а Мэйли предстояло стать жемчужиной Мэйли. И чем больше Мэйли слушала, тем больше это отсутствие восторга понимала. Жизнь без забот в неге и роскоши, занятия лишь танцами, музыкой, живописью, и всё это вдали от окружающего мира в постоянном ожидании прихода великого господина.

— Но нет больше счастья у жемчужин дворца Эпан, чем появление рядом Великого Сына Неба. Ночь с величайшим из великих дарит избраннице небесное наслаждение. Можешь продолжать, госпожа Фин, — произнёс Главный евнух, заставив вздрогнуть от неожиданности и слушательницу и рассказчицу. Оказалось, евнух проснулся и уже какое-то время наблюдал за новенькой жемчужиной и прислужницей. Не заметив должного, по его мнению, восхищения на лицах он решил вмешаться.

— В Сяньяне множество дворцов, — вновь ухватила нить рассказа прислужница, — любой готов принять Великого Сына Неба. В каждом множество наложниц обычных или просто драгоценных. Некоторым даже не удаётся лицезреть облик нашего повелителя, а беседы удостаиваются лишь жемчужины. И только жемчужины дарят Сыну Неба прекрасных сыновей. И только из них великий из великих выбирает любимых наложниц! Дворец, в который вы едете, жемчужина Мэйли, назван в честь главной императорской драгоценной наложницы Эпан.

Прислужница принялась расписывать великолепный дворец. И хотя одно его крыло ещё строилось, уже было видно, что по величию и красоте он превзойдёт все остальные. Мэйли про себя отметила, что дворцом госпожа Фин восторгается куда больше, чем жизнью его обитательниц.

В дорожном доме Мэйли предоставили отдельную комнату, чтобы она отдохнула, пока меняют лошадей. Прислужница проводила её до уборной, помогла умыться и вышла. Оставшись одна, Мэйли достала из кошелька на поясе заветную фигурку.

— Ты ведь всё слышал, Цинлун? Зависть к Лилинг и желание занять её место в сердце отца сослужили мне плохую службу. Наверное, в наказание за недостойные чувства Небо поменило меня с сестрой. Нега, роскошь и праздность — это жизнь Лилинг, не моя. Ох, Цинлун, я ведь совсем не подумала, что император, хоть и великий, но всё же мужчина. И ему тоже нужна та, что разделит с ним ложе, доставит наслаждение. Как думаешь, может, великий меня не заметит среди множества других? Может, его отвратят мои большие ноги? Не слушай меня, Цинлун, раз я уже ступила на путь, пройду по нему достойно. Не зря же я целый год мучилась, посещая школу наложниц!

Мэйли поморщилась, от неприятных воспоминаний. Весь прошлый год она ходила на занятия в школу драгоценных наложниц вместе с Лилинг. Появились такие школы не так давно и быстро стали очень популярны. Каждая дочь знатного или богатого рода должна была пройти обучение в течение одного года.

Сама Мэйли не видела необходимости в таком образовании, ведь, как и все вокруг, знала, отец оставляет её при себе, чтобы всегда под рукой был управляющий, секретарь или писарь.

На том, чтобы школу драгоценных наложниц посещали обе дочери наместника Чжоу Вана, настоял дедушка Тао, заявив:

— Путь женщины, определённый Небом не может зависеть от размера её стопы. Мы не знаем судьбу, что ждёт Мэйли. Пусть получит знания обо всех сторонах жизни.

Мэйли тогда обиделась на дедушку, хотя и постаралась этого не показать, старик уже тяжело болел. Никто даже подумать не мог, что дедушка Тао окажется прав.

Лилинг и остальные слушательницы школы подшучивали над Мэйли, кто-то по-доброму, кто-то зло. Она не обращала внимания, старательно изучая искусство любви так же, как раньше изучала математику и письмо.

Воспоминания прервал лёгкий стук в дверь, и Мэйли оказалась рада этому. Не все воспоминания бывают приятными. После разрешения, вошла прислужница и спросила:

— Готовы ли продолжить путь, жемчужина Мэйли?

— Готова, госпожа Фин, — ответила Мэйли, вставая и убирая в кошелёк фигурку дракона.

Она уже запомнила, что к старшей прислужнице нужно обращаться: госпожа, к личным служанкам по имени, а общим достаточно оклика «Эй!» К слугам надлежало обращаться на «ты». Как и к равным по статусу. Выше жемчужин императора считались он сам, его советники, чиновники и военачальники высшего ранга.

Остаток дороги Мэйли слушала о церемониях, празднованиях, стараясь запомнить, как стоять, как сидеть, на кого дозволено смотреть открыто, а перед кем опускать глаза. Что-что, а учиться Мэйли умела.

В Сяньян, столицу империи, колесница въехала уже в сумерках. «Снова не получится ничего рассмотреть», — огорчённо подумала Мэйли, выглядывая из-за слегка сдвинутой шторки. Главный евнух посоветовал широко окно не открывать.

В столице она была всего два раза. Первый — ещё маленькой девочкой, от того раза осталось ощущение чего-то радостного, яркого и вкусного. Второй — на празднике Луны прошлой осенью. Отец привёз всё семейство, но веселились лишь матери, Лилинг и брат. Сам отец посещал собрания наместников, а Мэйли была при нём в качестве секретаря. Да, ей были интересны лекции учёных мудрецов о новых способах выращивания риса, о пользе чайных листьев, что начали высаживать недавно, но столицу она не увидела. А так хотелось проехать по знаменитому мосту через Вейхэ, полюбоваться на дворцы и императорский парк, увидеть огромные бронзовые скульптуры, отлитые из оружия завоёванных императором земель.

У Мэйли закрались смутные подозрения, что и на этот раз она Сяньян увидит лишь из окон дворца. Ведь вряд ли императорских драгоценных наложниц отпускают на прогулки. «Надеюсь, что при дворце Эпан хотя бы сад есть», — подумала Мэйли.

Глава шестая. Сорок восьмая наложница

Мэйли в день, а вернее, вечер приезда не удалось осмотреть не только столицу, но и дворец. Колесница заехала в ворота, когда уже стемнело. Торжественной встречи по поводу появления новой жемчужины никто не устраивал, но Мэйли была этому только рада. Дорога утомила её, не оставив сил на поклоны и церемонии.

Лестница и коридор, ведущие к покоям императорских драгоценных наложниц освещались масляными лампами под колпаками из цветного стекла — Мэйли о подобных слышала, но никогда не видела. Сами наложницы уже спали, как сказала госпожа Фин: хороший долгий сон улучшает цвет лица, не давая появиться ранним морщинам. В этом Мэйли была согласна с прислужницей, усталость и недосыпание никого не красят.

На стенах, в промежутках между высокими окнами, тоже из стекла, висели шёлковые полотна с изображениями богов, драконов, бессмертных небожителей и, конечно, Великого Сына Неба. В нишах с фарфоровыми вазами с цветами стояли в специальных подставках бронзовые зеркала, сделанные так искусно, что падающий на них лунный свет проходил сквозь тонкую пластину, и ложился на мраморный пол, отражая узор на обратной стороне зеркала.

Мэйли не знала, что «прозрачные» зеркала пропускают не только солнечный, но и лунный свет. Лилинг выпросила у отца чудесное зеркальце, размером в ладонь, оно стояло, как лошадь. Мэйли даже приблизительно не могла оценить, сколько стоят зеркала, увиденные во дворце. Наверное, не меньше, чем весь дом её отца. Не зря ходила легенда, что Небо подарило своему Сыну сокровища девяти драконов.

Покои, отведённые Мэйли находились почти в центре, скорее всего, её поселили на место другой жемчужины. Мэйли решила при первой возможности расспросить личную служанку о прежней хозяйке этих комнат.

Она осмотрела свои покои быстро, следуя за старшей прислужницей. Оказалось для неё уже подготовлено множество нарядов, на столике у кровати лежали драгоценности в шкатулках из слоновой кости.

— Прошу прощения, жемчужина Мэйли, что ещё не готовы туфельки, завтра же к вам придут мастерицы, — произнесла госпожа Фин.

— Я захватила свои на первое время, — успокоила её Мэйли.

Старшая управляющая попрощалась и ушла, на ходу давая распоряжения служанкам.

Не успела Мэйли осмотреться, как в купальню, а в покоях имелась и такая комната с маленьким мраморным бассейном, слуги наносили тёплой воды. Госпожа Фин ещё в дороге предупредила, чтобы Мэйли не опасалась мужчин, во дворце Эпан все слуги мужского пола даже садовники и конюхи являлись евнухами. Исключение составляли лишь воины охраны и целители. Но первые не входили дальше ворот, а вторых всегда сопровождал Главный евнух или его помощник.

Служанки помогли Мэйли искупаться, одеться в ночное платье из хлопка тонкой выделки и высушили волосы при помощи высушенной морской губки, прекрасно впитывающей воду.

После купания Мэйли удалилась в спальню вместе с личной служанкой по имени Ниа. Пока за дверью слуги убирали купальню, Мэйли решила служанку расспросить, но начала она с отреза шёлка, достав его из своей небольшой сумки.

— Скажи, Ниа, смогут ли здешние мастерицы пошить мне из этого шёлка халат или нижнее платье?

— Ой, мне так жаль, жемчужина Мэйли, но императорские драгоценные наложницы носят одежду только из разрешённых тканей, с нужным рисунком и цветом, — ответила служанка с искренним сожалением в голосе.

— Тогда держи, я дарю его тебе, — сказала Мэйли, протягивая отрез.

— Мне? — спросила служанка неуверенно, её лицо при этом осветилось робкой надеждой на то, что госпожа не шутит.

— Держи! Мне он всё равно не пригодится, — произнесла Мэйли, отдавая отрез. А когда лицо девушки словно засветилось от радости, добавила: — Когда мне пошьют обувь, я отдам тебе сандалии и туфельки.

— Спасибо, жемчужина Мэйли, вы так добры, — прошептала служанка и низко поклонилась несколько раз.

— Посмотри, все ушли? — спросила Мэйли. — И принеси чистой воды в кувшине.

Служанка часто закивала и выскочила из спальни. Вернулась она быстро, но успела занести подарок к себе в комнатку, расположенную на этом же этаже. В руках она несла поднос с кувшином, фарфоровой чашечкой, расписанной розовыми цветами и плетёную корзинку с фруктами. Вдруг доброй госпоже захочется перекусить посреди ночи. Всё это Ниа поставила на столик с другой стороны кровати.

— Мне можно идти? — спросила она. — Если что-нибудь вам будет нужно, позвоните в колокольчик, около покоев всю ночь дежурят слуги. Меня сразу позовут.

Мэйли посмотрела на висевший в изголовье кровати под держателем балдахина колокольчик. На верхней планке что-то блеснуло под лунным светом. Мэйли вскочила на кровать и достала с верхней планки плоский камушек из опала. На него были нанесены три иероглифа.

— Любовь, ожидание, полночь, — прочла их Мэйли и спросила, пристально глядя на служанку: — Кто жил в этих покоях до меня?

— Нам запретили об этом говорить, но вам можно, вы не выдадите, — сказала Ниа и продолжила тихо, почти шёпотом: — Одна из жемчужин пыталась бежать из дворца с генералом императорской армии. Говорят, они встретились при переезде нас в этот дворец и полюбили друг друга с первого взгляда. Но я думаю, они были знакомы раньше, до того как та, чьё имя предано забвению, попала в наложницы. Ведь ради одного взгляда не станешь рисковать жизнью и добрым именем.

— Их казнили? — спросила Мэйли.

— Да. Предавших Великого Сына Неба всегда ждёт один конец: смерть и забвение, — произнесла Ниа, но лёгкий вздох свидетельствовал о том, что она сочувствует двум несчастным влюблённым. — Наказание понесли и служанки этой жемчужины. Ведь кто-то передавал послания этой парочки друг другу.

— Даже не стали выяснять, кто это делал? — спросила Мэйли, предвидя ответ.

— Казнили всех, без разбора. И, согласно закону, по шесть их родственников отправили на каторжные работы, — сказала Ниа и добавила: — Теперь никто из слуг не решится помогать посмевающим предать нашего повелителя. Главному еврею и старшей прислужнице присудили штрафы в пользу казны, но оставили во дворце, ведь преступники и их обманули, как лисица охотников. Великий Сын Неба суров, но справедлив и милосерден.

— Можешь идти, Ниа. Клянусь, я никому не расскажу об этом разговоре, — произнесла Мэйли.

После того, как служанка вышла, она вернула найденный камень-послание на место, затем достала своего дракончика и поставила на столик рядом с драгоценностями. Пожелав Цинлуну добрых снов, она легла, задёрнув полог и накрывшись одеялом. Несмотря на полный впечатлений день, а, может, благодаря этому, Мэйли уснула сразу и спала без сновидений до самого утра.

Проснувшись, Мэйли подумала, что ей предстоит знакомство с остальными жемчужинами, представив общение в какой-нибудь музыкальной комнате или в зале для церемоний. Но знакомство произошло совсем по-другому. После завтрака к Мэйли пришли мастерицы, снимать мерки для обуви. Не успели они выйти, как появилась старшая прислужница с несколькими служанками. Вид она имела взволнованный.

— Жемчужина Мэйли, сейчас вам помогут облачиться в торжественный наряд, а затем служанка проводит вас в Большой императорский зал. Наш повелитель перед поездкой в Шанцю изволил навестить своих жемчужин, — произнесла она и почти выбежала, предоставив Мэйли умелым рукам служанок.

Пока её одевали, окрашивали, делали причёску, Мэйли пыталась вспомнить, где она недавно слышала о городе Шанцю, но так и не вспомнила. Представ перед зеркалом, она даже не узнала себя в стоящей напротив красавице. Ей очень шли прекрасный шёлковый халат с красными и желтыми рисунками цветов и небольшими золотыми драконами на полах и маленькая шапочка на пышной причёске с цветком из жемчужины-сердцевины и нефритовыми лепестками. Туфельки Мэйли надела свои, но их и не было видно под длинным одеянием.

Выйдя из покоев в сопровождении Ниа, она увидела остальных жемчужин, идущих в противоположную лестнице сторону, видимо к тому самому большому залу. Они быстро перебирали крошечными ножками, и создавалось впечатление, словно они плывут или летят над полом.

В зале все жемчужины встали полукругом на заранее определённые места, Мэйли подвела Ниа, после чего служанка незаметно выскользнула из зала. На Мэйли устремились взгляды множества красавиц. Любимую наложницу Эпан Мэйли определила по властному виду и расположению ближе всех к креслу, стоявшему перед ними. На то, что на кресле будет сидеть император, указывал покрывавший его жёлтый шёлк с вышитым на нём золотым драконом — символом власти в империи.

Неожиданно все жемчужины стали опускаться на колени, Мэйли поспешила последовать их примеру. В зал с другого, потайного входа вошёл император, и сопровождающие его Главный евнух и мужчина, скорее всего, личный целитель.

Император тяжело опустился в кресло, взмахнул рукой и произнёс:

— Мы позволяем вам присесть, наши прекрасные жемчужины.

Наложницы послушно опустились на подушки, заранее разложенные на полу слугами, а Эпан села рядом с креслом. Император одну руку опустил ей на плечо, а второй перебирал жемчужные чётки.

Вид императора Мэйли потряс. Перед ней сидел мужчина средних лет, с одутловатым землистого цвета лицом, отёчными веками, время от времени подёргивающимися. Довольно грузный. Халат из жёлтого шёлка, весь расшитый золотыми драконами и такого же цвета шапочка, расшитая жемчугом, подчёркивали нездоровый цвет лица и рук. Пальцы и губы слегка подрагивали, но тоже не постоянно.

Любимая наложница произнесла восхваляющую речь, в которой превозносила силу и мощь Сына Неба. В конце она попросила взять её с собой в Шанцю, после отказа сказала:

— Наш повелитель, не забудьте чудодейственные пилюли целителя Инзю, которые дарят вам бодрость и небывалые силы.

Она пристально посмотрела на мужчину, оказавшегося действительно целителем, тот отвесил поклон и произнёс:

— Не беспокойтесь, жемчужина Эпан, я позаботился о запасах чудодейственного лекарства, составленного мной лично.

Главный евнух тоже произнёс восхваляющую императора речь и добавил:

— Сегодня вновь сорок восемь жемчужин встречают вас, Великий Сын Неба!

Император пристально посмотрел на него и произнёс:

— Запомни, наших императорских драгоценных наложниц должно быть ровно столько, сколько жемчужных бусин в наших чётках. Если рассыпается бусина, её заменяют другой.

После этих слов император оглядел наложниц, ненадолго задержав взгляд на Мэйли. Её словно придавило властью этого измученного болезнью, но ещё сильного мужчины. Император показался Мэйли похожим на тигра, израненного охотниками, но всё ещё смертельно опасного.

Великий Сын Неба отпустил всех своих жемчужин, кроме Эпан. Мэйли не помнила, как дошла до покоев. Отпустив служанку, она взяла в руки фигурку дракона и тихонько спросила:
— Что происходит, Цинлун? Неужели никто не видит, как он болен?

Даже, находясь одна, Мэйли называла императора безликим «он». Неожиданно словно камнем по голове ударило воспоминание. Слова целителя Цана, в его последний приезд к отцу, которые она случайно услышала: «... Он не вернётся из поездки в Шанцю... На его лице печать смерти... Думаю, дело в пилюлях шарлатана Инзю...»

Мэйли прижала к груди своего дракона и прошептала:

— Он умирает, а все вокруг твердят о его силе и мощи. Куда же мы попали, Цинлун? Мне страшно. Очень страшно.

Глава седьмая. Последняя просьба мастера Чэна

Тревога, возникшая после того, как гончаров оставили делать фигурки для обоза, не оставляла мастера Чэна. Подумав, он связал тревогу и бессонницу с полнолунием — временем, когда богиня Луны не смотрит на восток или запад, а поворачивает прямо свой прекрасный лик.

Других причин старый мастер не нашёл: работа шла успешно, приближаясь к окончанию. Ученики приловчились делать фигурки коз и ослов, не прибегая к помощи Чэн Юна. Они часто улыбались, предвкушая скорое возвращение домой. Особенно радовался Фенг, ведь его ждала невеста.

Для размещения обоза терракотовой армии императора рабы вырыли траншею, в два раза больше той, где стояли генералы и старшие офицеры. Располагалась она за левым флангом и имела всего два хода: наверх и к войскам. Расстановкой фигур животных в траншее занимались Чэн Юн и Фенг. Рабы под их руководством впрягали ослов в телеги, расставляли коз вокруг пастухов, помещали в клетки диких птиц и зверей. Телеги, упряжь, клетки были настоящими. Самая большая клетка предназначалась для сделанного Чэн Юном тигра. Терракотовый зверь получился совсем как живой. Он лежал, опустив голову с прикрытыми глазами на лапы, но уши стояли торчком, а кончик хвоста был приподнят, напоминая наставление мудрых: не стоит дёргать за усы спящего тигра.

Рабы, пока несли глиняного тигра, посматривали на него с опаской и вздохнули с облегчением только тогда, когда он оказался в клетке под замком. На Чэн Юна, создавшего это чудо, они смотрели с благоговением. Не только они, но и надсмотрщики, и воины охраны, при взгляде на работы Чэн Юна шептались, что столь искусному мастеру недалеко до небожителей, стоит лишь научиться оживлять свои создания.

Фенг, до которого дошли эти слухи, поспешил рассказать о них другу.

— Может, попробуешь оживить хотя бы вон тех твоих соловьёв? — спросил он Чэн Юна, кивая на серебряную клетку, подвешенную к дуге над одной из телег.

— Мне не хватит крови, оживить все свои творения, — с улыбкой ответил Чэн Юн.

— Все и не надо. Достаточно одной маленькой птички, — сказал Фенг, на лице которого проявились нетерпение и ожидание чуда.

— Не рано ли тебе приводить в дом наложницу? Судя по твоей просьбе, ты задержался в детстве, — ответил Чэн Юн с дружеской насмешкой, они с Фенгом часто подначивали друг друга. После чего отпустил прислушивающихся к их болтовне рабов со словами: — Идите, вы хорошо сегодня потрудились. Я передам надсмотрщику, что доволен вами.

— По мне, так в самый раз, — ответил Фенг и, посмотрев на небо, сказал: — Пора и над обозом возводить настил.

Чэн Юн обвёл взглядом терракотовый обоз терракотовой армии и согласился с другом.

— Ты прав, Фенг, здесь наша работа закончена.

— Юн, — сказал друг, понижая голос до шёпота, — а ты заметил, что в этой траншее не поставили ловушки против расхитителей?

Чэн Юн повернул ладонь большим пальцем вверх и многозначительно закрыл ей свой рот. После чего легко взбежал по земляным ступенькам. Друг, поднимавшийся следом, ворчал о том, что Юн становится похож на своего деда, не дающего ему, Фенгу, вволю поговорить. Но молчаливую просьбу понял и больше к разговору о ловушках не возвращался. Мало ли, вдруг слух об их отсутствии дойдёт до ушей грабителей или, того хуже, мечей закона. А кто знал о единственном безопасном входе в траншею? Правильно, те, кто там работал.

Остаток дня гончары отдыхали. Собирать вещи и инструменты не стали, чтобы не сглазить. Ведь в прошлый раз им пришлось всё доставать и раскладывать заново. Лёжа на цинов-

ках, они лениво наблюдали, как рабы доделывают настил из крепких обтёсанных брёвен над крайним подразделением на левом фланге и приступают к сооружению настила над обозом. К вечеру завершили работу и рабы.

Ужин неожиданно выдали праздничный. Рабам к рису добавили горсть сушёных слив и персиков, да ещё выдали каждому по чашке просяного вина. Мастерам — гончарам, плотникам, кузнецам, живописцам, зодчим — рис сдобрили кусками мяса и пряным соусом, а также раздали кувшины с рисовой медовухой. По крепости этот напиток вполтину уступал байцзю, но для поднятия настроения подходил даже лучше.

Мастер Чэн не пил. Когда чёрный мор унёс всю его семью, а маленький Юн стоял на пороге Загробного мира, мастер Чэн дал обещание Небу, что если оно оставит ему внука, то он не возьмёт в рот ни капли крепких напитков до конца жизни. Небо сжалилось над мастером, Юн поправился.

Сам мастер исполнял обещанное. Но не порицал учеников, решивших повеселиться, когда они заслужили. А они заслужили. Хмель после напряжённых дней в труде ударяет даже в самые крепкие головы. Вскоре все ученики и Чэн Юн крепко спали под навесами. Угомонился даже беспокойный Фенг.

Мастер Чэн подкинул хворост в почти угасший костёр, присев рядом на циновку. Он долго сидел, прикрыв глаза и слушая, как затихает всё вокруг. Тихие шаги заставили поднять голову и посмотреть, что за гость решил разделить его бессонницу. Сдвинувшись к краю циновки, мастер хлопнул ладонью рядом с собой и негромко произнёс:

— Садись, Лю Лэй, ты всё же узнал меня.

— Сразу узнал, мастер. Но нам запрещено вступать в беседы с теми, кого охраняем, — произнёс младший командир мечей закона.

— Что-то случилось, раз ты решил нарушить запрет? — проницательно спросил старый мастер.

Лю Лэй помолчал, опустив голову, собираясь духом. Мастер Чэн не торопил его. Наконец, Лю Лэй произнёс:

— Небо призвало к себе своего сына.

— Император умер? — шёпотом спросил мастер Чэн, ошеломлённый новостью.

— Завтра об этом будет объявлено всей Поднебесной, а сегодня нам пришёл приказ...

— Лю Лэй вновь помолчал и продолжил быстро, отрывисто, словно боялся передумать: — Рано утром нам надлежит поверх деревянного настила сделать ещё один из рабов и мастеров, что трудились здесь, и уже над ними возвести земляной холм. Тайны создания терракотовой армии вы должны унести в Загробный мир. Мастер, а сейчас послушай внимательно. За час до рассвета сюда прибудет несколько подразделений императорских войск. Они окружат стройку, чтобы никто не сбежал. Пока ещё есть время, и я могу провести вас с внуком мимо патрульных. Но только вас двоих. Ты должен решить быстро.

— Я уже решил, — ответил мастер Чэн. — Выведи моего внука. Я знаю причину, по которой он согласится уйти. Ему не говори ничего.

— Мастер Чэн, но как же ты? — спросил Лю Лэй дрогнувшим голосом, уже понимая, что услышит.

— Принимая учеников, каждый учитель берёт на время в свои руки нити их судьбы. Время моих ещё не закончилось и я не могу их оставить, — ответил мастер Чэн. Он говорил уверенно и спокойно, но на его лице проступили все прожитые годы, в одночасье превращая мастера в древнего старика.

На несколько мгновений он прикрыл глаза, набираясь сил перед разговором с внуком.

— Мастер, когда я провожу Чэн Юна, я вернусь известить тебя об этом, — пообещал Лю Лэй.

Мастер Чэн кивнул и отправился будить внука. Чэн Юн, выйдя из под навеса, потянулся, потёр глаза и в недоумении уставился на ночного гостя.

— Внук, я принял решение переехать в Сяньян, как ты уговаривал, — произнёс мастер Чэн. — Командир Лю Лэй знает владельца гончарной мастерской, который не дорого продаёт своё дело. Но нужно поспешить, пока не узнал о выгодном предложении кто-нибудь другой. Вдвоём мы не успеем, ты один сходи домой, возьми деньги. За один-два дня успеешь побывать дома и вернуться, и мы прямо отсюда отправимся в столицу.

— Сейчас идти? — спросил Чэн Юн удивлённо.

— Да, ведь утром командир Лю Лэй не сможет тебя провести мимо мечей закона, — ответил мастер Чэн и быстро добавил, пока внук не успел опомниться: — в тайнике, том, что мы делали вместе, возьми все связки монет. Да, обязательно захвати нашу праздничную одежду.

— Всё сделаю, дедушка. Я рад, что ты, наконец, решился, — сказал Чэн Юн и благодарно посмотрел на Лю Лэя. Получается, он плохо думал о нём, а командир мечей закона не забыл о спасителе. Стараются отплатить добром.

Лю Лэй поднялся с циновки и кивком головы велел Чэн Юну следовать за ним. Тот сделал несколько шагов, как что-то словно толкнуло. Он развернулся, подбежал к деду, быстро обнял его и поспешил за Лю Лэем.

Мастер Чэн вернулся к костру, вновь опускаясь на циновку. Он смотрел на Луну, на которой, согласно преданиям, трёхлапая жаба Чань вместе с лунным зайцем Юэ Ту толчёт в нефритовой ступе эликсир бессмертия. Старый мастер погрузился в воспоминания, заново переживая свою жизнь. Он даже вздрогнул, когда рядом с ним вновь присел Лю Лэй. Казалось, они с внуком только отошли от лагеря. Но, судя по изменившемуся положению звёзд, прошло не меньше часа.

— Я довёл Чэн Юна до дороги, — сказал Лю Лэй тихо и неожиданно спросил: — Что я могу сделать для тебя мастер? Может, у тебя есть последняя просьба?

Мастер Чэн печально улыбнулся.

— У меня есть просьба, Лю Лэй. Убейте нас до того, как начнёте засыпать землёй. Мы с учениками заслужили лёгкую смерть. Не плачь, мальчик. Ты воин и обязан выполнить приказ.

Мастер тыльной стороной руки вытер мокрую щеку Лю Лэя. Отважный командир мечей закона до этого даже не заметил, что из глаз текут слёзы.

— Я всё сделаю, мастер, — прошептал он.

— Пойду, прилягу на пару часов, — сказал мастер Чэн. Он затушил костёр, засыпав его песком из стоящей рядом миски, но перед тем, как пойти под навес, сказал: — Если увидишь Юна, когда он вернётся, передай, чтобы не скорбел долго. Хорошие гончары и в Загробном мире не пропадут, пригодятся хоть небожителям, хоть демонам Янь-Вана.

Заснул мастер Чэн неожиданно быстро. Во сне он увидел любимую наложницу и детей, когда те были ещё маленькими. Родные радостно смеялись и звали к себе в качающуюся на волнах реки лодку.

Ни старому мастеру, ни его ученикам не суждено было проснуться. Лю Лэй и его воины зарезали их во сне, даря обещанную лёгкую смерть.

Глава восьмая. Лунная башня

Разговор с фигуркой дракона

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.